

Н. В. Корнопелева

СЭМЮЭЛЬ ТЭЙЛОР КОЛЬРИДЖ В ИСТОРИОГРАФИИ XX ВЕКА

Сэмюэль Тэйлор Кольридж (1772–1834) широко известен в России как один из представителей «озерной школы поэтов». Вместе с Уильямом Вордсвортом (1770–1850) и Робертом Саути (1774–1843) он считается классиком английского романтизма. Среди его поэтических работ наиболее популярны «Баллада о Старом Мореходе», «Кубла-Хан», «Кристабэль», «Монодия на смерть Чаттертона», «Ода уходящему году». Заслужил признание и его вклад в историю литературной критики. В частности, Кольридж дал оригинальную интерпретацию творчества У. Шекспира, в произведениях которого увидел воплощение многих собственных идей об искусстве и человеке в искусстве. Он также открыл для современников многогранное творчество Дж. Донна, по-новому оценил Л. Стерна.

Философская мысль Кольриджа изучена в России значительно меньше. Отечественных исследователей интересовали преимущественно те ее аспекты, которые связаны с историей и теорией литературы (например, «теория воображения»). Распространено мнение, что его карьера поэта была неудачной, поскольку все значительные стихотворения он создал в самом ее начале. Традиционно о нем говорят как о *поэте* с трагической судьбой: ранний взлет и ранняя слава, за которыми последовали долгие годы без сколько-нибудь значительных поэтических работ, годы утрат единомышленников, несчастливая семейная жизнь, сильная опиумная зависимость³⁴⁹, приведшая Кольриджа в 1816 г. в дом доктора Джеймса Гиллмана, где он и провел последние 18 лет жизни...³⁵⁰ Иными словами, в отечественной науке творчество Кольриджа до сих пор оставалось почти исключительным достоянием литературоведения.

В западной же историографии XX в. Кольридж давно получил признание как видный представитель общественно-политической, философской и религиозной мысли. Один из первых биографов Кольриджа, историк английской литературы Г. Трайль писал: «Существенно то, что его промысел вобрал в себя все познания; и что его тонкий, увлеченный и прозорливый ум свободно переносился с предмета на предмет...»³⁵¹. «Универсальность» познаний и устремлений — эта характерная черта мыслителя отмечается в работах исследователей английского романтизма: «Он развивал новый стиль и охватывал широчайший спектр тем»³⁵².

Принимая во внимание фрагментарный, незаконченный характер работ Кольриджа, публицистический стиль, отсутствие какой-либо систематизации

³⁴⁹ О том, что применение опиума было в то время достаточно распространенным сюжетом, свидетельствует известное произведение Томаса Квинсли «Исповедь курильщика опиума».

³⁵⁰ См. напр.: Горбунова А. И., Соловьева Н. А. Послесловие // Coleridge S. T. Verse and prose. Moscow, 1981; Дьяконова Н. Я., Яковлева Г. В. Философско-эстетические воззрения С. Т. Кольриджа // Кольридж С. Т. Избранные труды. М., 1987.

³⁵¹ Train H. D. Coleridge. L.; N. Y., 1898. P. 210.

³⁵² Carter R., McRae J. The Routledge History of Literature in English Britain and Ireland. L.; N. Y., 1997. P. 250.

учения, никто из исследователей, тем не менее, не сомневается в существовании самого этого учения, которое позволяет говорить о Кольридже как о выдающемся теоретике своего времени, во многом определившем дальнейшее развитие общественной мысли Англии. В частности, Дж. С. Милль в работе о Бентаме и Кольридже сказал: «...можно назвать двух мыслителей, которым их страна всегда будет благодарна не только за большую часть идей, оказавшихся важными для мыслящих людей своего времени, но и за революцию в самом стиле мышления... Эти два человека — Джереми Бентам и Сэмюэль Тейлор Кольридж, два величайших ума»³⁵³. Таким образом, очевидна несправедливость, когда говорят о рано замолчавшем поэте и забывают о много сказавшем мыслителе³⁵⁴.

В работе Ф. Брауна, законченной автором перед началом войны 1914–1918 гг.,³⁵⁵ воззрения Кольриджа рассматриваются на фоне бурной дискуссии англичан о Французской революции. К сожалению, исследователь уделяет его творчеству не самое большое место. Он отмечает, что Кольридж, первое время питавший симпатии к Революции, быстро отошел от увлечений юности, тем более что в действительности он никогда и не был якобинцем по своим взглядам. Браун говорит, что теоретические построения мыслителя носили в значительной степени умозрительный характер и относительно мало опирались на реальные факты. Исследуя эволюцию идей Кольриджа, автор подчеркивает постепенно возрастающий теологизм его мышления, нередко граничащий с мистицизмом. Браун выделяет философа среди остальных участников дискуссии как оратора, который дал прежде всего нравственную оценку событий³⁵⁶.

Крейн Бринтон в своей монографии говорит о представителях романтической традиции (*men of letters*) рубежа XVIII–XIX вв. как о людях, радикально изменивших общественное мировоззрение³⁵⁷. Исследователь полагает, что взгляды романтиков повлияли не только на историографию, но и на сам исторический процесс — «революционные идеи о человечестве, которым суждено было изменить ход истории...»³⁵⁸

Бринтон одним из первых обратился к политическим воззрениям Кольриджа, который «очень много писал, и огромная часть написанного прямо или косвенно относится к вопросам политики»³⁵⁹. Эта работа интересна прежде всего тем, что Бринтон рассматривает политическое учение Кольриджа сквозь призму его сложного характера. Важным источником для этого является переписка Кольриджа. «Самая большая проблема — то, что мы не в состоянии рассматривать воззрения Кольриджа отдельно от противоречий его

³⁵³ Mill J. S. On Bentham and Coleridge. N. Y., 1950. P. 39–40.

³⁵⁴ Я не считаю возможным определять Кольриджа только как историка (см.: *Ben-Israel H. English historians of the French Revolution. L., 1968*), политика и т. д. На мой взгляд, сам характер источников, с которыми приходится иметь дело, позволяет рассматривать Кольриджа как теоретика, затронувшего в своих исканиях практически все аспекты общественно-политической жизни.

³⁵⁵ См.: *Brown Ph. The French Revolution in English History. 3rd ed. N. Y., 1965.*

³⁵⁶ См.: *Brown Ph. The French Revolution in English History. P. 186.*

³⁵⁷ См.: *Brinton C. The political ideas of the English romanticists. Toronto, 1966. P. 2. (1st ed. Oxford, 1926).*

³⁵⁸ *Ibid.* P. 2.

³⁵⁹ *Ibid.* P. 66.

личности»³⁶⁰. Автор монографии применяет широкий спектр методов исторического анализа, достигая глубокого психологизма исследования. Бринтон полагает, что именно в «постоянных сомнениях и метаниях» мыслителя «впервые в истории английской философии» создается критический метод³⁶¹. Интересно также объяснение Бринтоном того факта, что к началу XX в. политическая теория Кольриджа оказалась в полном забвении. Дело в том, что большинство прозаических работ философа, к которым относятся и политические труды, в отличие от стихотворений, всегда мало читались соотечественниками («они никогда не были классикой!» — заметит позднее другой исследователь³⁶²). Бринтон говорит о несправедливости подобного пренебрежения «оригинальной, хотя и не выдающейся прозой». Основной причиной этого он считает непопулярность философии Кольриджа в веке минувшем и в начале века нынешнего³⁶³.

В монографии Альфреда Коббена прослеживается развитие идей Эдмунда Берка в политических теориях трех поэтов-мыслителей «озерной школы»: Саути, Вордсворта и Кольриджа. Автор работы говорит о первоначальном общем их увлечении идеями Французской революции, выдвинувшей принципы свободы и нравственного обновления общества. Якобинский террор и последовавшее за ним всеобщее охлаждение, а затем ярое неприятие радикальных перемен во Франции обусловили актуальность в Англии конца XVIII столетия консервативных взглядов Эдмунда Берка, который уже в 1790 г. в своих «Размышлениях о революции во Франции» проявил удивительное политическое и историческое чутье, предсказав трагические последствия происходящего. Консерватизм идейных последователей Берка стал, по определению Коббена, «бунтом против XVIII столетия — века грубого рационализма, черствости и отсутствия поэзии»³⁶⁴. В учении Кольриджа автор видит последовательное развитие теории его великого предшественника. Методологическим подходом к вопросам истории, политики и социальных отношений обоих консерваторов становится «научный эмпиризм» — вместо «метафизической фальсификации политического знания», которую Берк и Кольридж считали глобальным недостатком философии Просвещения (критика Кольриджем Руссо), Годвина, Гельвеция, Локка). Кольридж становится вторым после Берка теоретиком, давшим определенную классификацию общественных интересов. При этом он рассматривает различные политические системы, резко критикуя демократию. Главной причиной ее неприятия Коббен считает неверие Кольриджа в нравственное совершенство людей, которое должно быть непременным условием всякой демократии. Кроме того, пишет Коббен, «идеи равенства и прямого представительства, по мнению Кольриджа, более подходят церковному устройству и, напротив, органично неприемлемы для государственного строя, в реальности всегда базирующегося на принципах неравенства и частной собственности». Коббен не считает возможным рассматривать политическую программу Кольриджа как однозначно консервативную, но видит в ней удачное сочетание «лучших» положений

³⁶⁰ Ibid. P. 65.

³⁶¹ Ibid. P. 66.

³⁶² Jackson J. R. Editor's Introduction // Coleridge S. T. The Critical Heritage. L., 1970. P. 18.

³⁶³ Ibid. P. 67.

³⁶⁴ Cobban A. Edmund Burke and the revolt against the eighteenth century: A study of the political and social thinking of Wordsworth, Coleridge and Southey. L., 1929. P. 186.

многих теорий и направлений: «В определенном смысле, конечно, Кольридж — утилитарист. Мы бы даже сочли его представителем естественной школы, обратившись к трактовке им естественных прав. В действительности же он сочетает в своем учении различные идеи и направления, выбирая из них самое разумное»³⁶⁵. Эта мысль получила распространение и дальнейшее развитие в других работах о политическом учении Кольриджа, которое определяется как «либеральный консерватизм», «романтический консерватизм», «динамизм» и др.

В 1934 г., в столетнюю годовщину со дня смерти Кольриджа, в Лейпциге и Лондоне одновременно вышли две работы о политических воззрениях Кольриджа³⁶⁶. Немецкий автор, на наш взгляд, во многом повторяет взгляды Коббена, излагая их почти в неизменной последовательности. Правда, ключом к пониманию учения Кольриджа Вюнше считает его искренний антиякобинский пафос³⁶⁷ и отмечает, что Кольридж ставит интересы отдельного гражданина неизмеримо выше общественных и государственных, считая государство лишь продолжением общества, а последнее — результатом межличностных отношений. В этих высказываниях Вюнше видит развитие теории утилитаризма и индивидуализма.

Г. Билей — автор второй работы 1934 г. — значительно продвинул изучение социально-политической мысли Кольриджа, как с точки зрения систематизации его учения, так и в области методологии изучения работ философа. Историк пошел по пути прочтения максимально большего количества произведений мыслителя и выявления из общей массы текста всех идей Кольриджа. Вторым этапом своей исследовательской работы Билей определил выборку наиболее повторяющихся положений, из которых он выводит определенные концепции. Билей выделяет три этапа развития политической теории Кольриджа. Первый, условно названный «годвинианским», характеризуется тем, что общественно-политическая мысль Кольриджа развивалась сначала под влиянием идей У. Годвина, затем — в ходе их критики и, наконец, на волне ярко выраженного неприятия годвинианского учения. 1789–1793 гг. — время «якобинства» Кольриджа, когда ему были близки натурфилософские взгляды на политику, согласно которым формирование личности и особенности государственного строя зависят прежде всего от особенностей природной среды, а нравственное зло коренится в порочной социальной системе. Кольридж разделял в то время убеждение Годвина в целесообразности отказа от всякого правительства, от частной собственности — основы государства.

1795 г. — время прочтения Кольриджем «Лекции о политике и морали» в Бристоле («Lecture 1795 on politics and moral»), в которых отчетливо обозначились новые тенденции в политических воззрениях философа. Новая позиция Кольриджа получает определение «политический романтизм». Билей характеризует ее следующими положениями: отрицание рационалистического понимания исторических процессов, приоритет интуиции и морали над чистым разумом в этих вопросах; непризнание за человеческим разумом права и возможности самостоятельно оценивать и изменять ход истории, что связано

³⁶⁵ Cobban A. Edmund Burke and the revolt against the eighteenth century... P. 179.

³⁶⁶ См.: Beeley H. The political thought of Coleridge // Coleridge's studies by several hands on the hundredth anniversary of his death. L., 1934. P. 152–168; Wunsche W. Die Staatsauffassung Samuel Taylor Coleridges. Leipzig, 1934.

³⁶⁷ См.: Wunsche W. Op. cit. S. 7.

со смещением в учении мыслителя акцента с частных причин событий к причинам фундаментальным, «*causae causarum*»; большое внимание к роли исторического прецедента и национального фактора, с одной стороны, и осознание необходимости сохранения веками сложившихся традиций — силы, более мощной и жизнеспособной, нежели все построения рационализма, — с другой.

В критике Кольриджем последнего Билей подчеркивает следующие моменты: отрицание существования естественных прав и самой идеи возможности всеобщего равенства (Кольридж понимает право каждой отдельной личности на равенство перед Богом, право на индивидуальное счастье и т. д.), осторожное отношение к принципу суверенитета правительства. Это объясняется убеждением Кольриджа в том, что любое государство определяется обществом, т. е. является политической формой *идеи* правительства, заложенной в самом этом обществе. Билей не первый, кто говорит о сочетании в учении Кольриджа принципа сохранения традиций с пониманием необходимости прогресса. Исследователь определяет консерватизм философа как динамичный и прогрессивный; он отмечает также просветительский пафос Кольриджа. Английский мыслитель понимает исторический процесс как следствие развития философской мысли, поэтому уровень и характер системы образования имеет для него первостепенное значение.

Важным этапом в формировании социально-политического мышления Кольриджа Билей считает изучение немецкого идеализма, что во многом определило идеалистическое понимание философом большей части явлений истории, политики и общественных процессов через поиск их первоначальной идеи. Билей внимательно прослеживает, как консервативная установка на сохранение традиций общества и государства постепенно оформилась у Кольриджа в национальную идею: «бессмертная жизнь нации, в которой поколение льнет к поколению»³⁶⁸.

Исследование американского историка Давида И. Каллео 1966 г. является как бы развитием приведенной выше цитаты Дж. С. Милля о большом значении идей Кольриджа для английской и — шире — западной общественной мысли XX века³⁶⁹. Автор монографии предложил новый вариант прочтения государственного учения англичанина, определив его термином «психологический детерминизм». Центральное положение, на которое опирается историк, то же, что и в работе Г. Билея: Кольридж полагал, что государство, со всеми его институтами, так же как и конституция, существуют прежде всего в сознании граждан; в реальности же это — только институциональное выражение идей о государстве, обществе, законности представителей одной нации. Пожалуй, главной особенностью монографии стал своеобразный психологический подход к изучению проблемы. Каллео подробно останавливается на изучении Кольриджем психологических истоков государства и его институтов. Так, от критики учения Гоббса, который образующим принципом государства полагал *страх*, английский философ приходит к такому пониманию идеи государства, при котором оно является как бы *личностью с коллективной нравственностью* (collective moral person). В

³⁶⁸ Beeley H. Op. cit. P. 164.

³⁶⁹ См.: Calleo D. P. Coleridge and the idea of the modern state. New-Haven; L., 1966. P. 13.

связи с чем Кольридж выдвигает принцип сотрудничества, взамен принуждения и насилия.

Исследовательница английской историографии Французской революции Х. Бен-Израэль в главе о романтической традиции отмечает, с одной стороны, особенности, сближавшие и разделявшие ее с некоторыми другими из существовавших тогда направлений, в частности с консерватизмом³⁷⁰. Одной из целей работы является исследование преемственности романтической историографии и многих течений исторической науки XX в. К сожалению, Кольриджу не уделяется особого внимания в этом общем исследовании. Тем не менее автор отмечает его в ряду других историков романтической традиции (таких, как В. Скотт, Т. Карлейль, Р. Саути и др). Кольридж — единственный из них, кто создал последовательное продолжение консервативного учения Берка. При этом, разработав «действительно фундаментальную теорию» (оказавшую большое влияние, в частности, на историческое мышление Т. Карлейля³⁷¹), Кольридж не написал ни одной работы, которую можно было бы назвать «историей»³⁷².

Р. Харрис исследует социальные взгляды Кольриджа в связи с его религиозными представлениями³⁷³. Основой мировоззрения Кольриджа, по словам исследователя, стала христианская философия. Понимание необходимости социальной справедливости составляет своеобразный пафос учения Кольриджа. Вера в торжество добра некоторое время сближала его учение с теорией Руссо; неудовлетворенность социальной действительностью привела его к увлечению идеями Годвина. Однако Кольридж создал собственную социальную теорию, далекую от рационалистических построений. Необходимым условием социального благополучия в ней видится соблюдение христианских норм и веками сложившихся традиций.

Хотелось бы отметить одну из последних работ по истории английской литературы, написанную Р. Картер и Дж. Мак Рэ³⁷⁴. Принимая во внимание общий характер исследования, отметим лишь определенную тенденцию восприятия социально-политических учений романтиков, сложившуюся в английской науке к концу XX в.. Авторы говорят об открытиях романтизма в области языка, формы произведений, приоритетных тем, а также в сфере идей — на фоне мощных социальных сдвигов конца XVIII — начала XIX в. Это было время доминирования законов свободного рынка, превращения страны из агрокультурной в индустриальную; период колоссального диссонанса между положениями собственников и неимущих. «Рождался новый мир, позже названный Б. Дизраэли, писателем и премьер-министром времен королевы Виктории, «миром Двух Наций»³⁷⁵. Значение внутренних процессов усиливалось событиями мирового значения: Французская революция, войны с Францией, битва при Ватерлоо. Все описанное сопровождалось

³⁷⁰ См.: *Ben-Israel H. The French Revolution and the Romantic movement in historiography. // English historians of the French Revolution. L., 1968.*

³⁷¹ Подробнее о влиянии социально-политических воззрений Кольриджа на понимание истории, в частности истории Французской революции, см.: *Die socialpolitischen Anschauungen Coleridges und sein Einfluss auf Carlyle. Bonn, 1924.*

³⁷² См.: *Ben-Israel H. Op. cit. P. 117.*

³⁷³ См.: *Harris R. W. Romanticism and the social order. 1780–1830. L., 1969.*

³⁷⁴ См.: *Carter R., McRae J. Op. cit.*

³⁷⁵ *Ibid. PP. 215–218.*

продолжительной социальной нестабильностью. Данный период совпал со становлением и наибольшим расцветом философии Кольриджа. В указанной монографии такие аспекты социально-политического учения Кольриджа, как приоритет счастья индивидуального над общественным; прав отдельной личности, установленных Богом, над гарантированными существующим строем; идеалистические воззрения на сущность человеческого общества и государства и др., приобрели новое звучание.

Таким образом, изучение социально-политических воззрений Кольриджа занимает одно из центральных мест в работах западных историков. Проблематика исследований широка. В них прослежены различные пути влияния современных и предшествовавших Кольриджу концепций на формирование его собственных теоретических построений. Изучено место социально-политического учения английского философа в современной концепции государства. Социальная теория Кольриджа рассмотрена в контексте общественно-политического развития Англии в конце XVIII–XIX вв., а также в связи с его религиозными представлениями. В истории политической мысли Кольридж считается одним из основоположников консервативного и либерального направлений — на том этапе их развития, который в критике получил название «либеральный консерватизм». Высокая оценка дана его историческим взглядам: Кольридж является одним из видных представителей романтического направления в историографии.

Тем не менее приходится признать, что далеко не все аспекты социально-политического учения Кольриджа получили освещение. В частности, взгляды философа на революцию во Франции, которая во многом определила формирование его концепции в русле консервативно-либеральной традиции, так или иначе рассматривались в историографии, однако самостоятельного исследования этой проблемы не существует. В связи с этим можно повторить восклицание историка Давида Симпсона: «Что есть история, началом которой для Вордсворта стала Французская революция!»³⁷⁶, переадресовав его к Кольриджу, для которого и история, и политика, и даже поэзия действительно начались со штурма Бастилии.

В. С. Мирзеханов

**ЖАН ВАНСИНА И ВАЛЕНТЕН МУДИМБЕ:
ПОПЫТКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОРТРЕТА**

³⁷⁶ *Simpson D. Wordsworth's historical imagination. The poetry of displacement. N. Y.; L., 1987. P. 5.*